

Более обоснованной в этом плане видится платформа государственной идеологии, предполагающая синтез нескольких составляющих. Такими составляющими называются:

«во-первых, общечеловеческие нравственные нормы и гуманистические традиции, рождённые и развивающиеся в русле христианского мировоззрения;

во-вторых, многовековой опыт духовной жизни славянских народов;

в-третьих, фундаментальные социальные и духовно-культурные ценности белорусского народа, в основе которых лежит труд на благо общества;

в-четвертых, опыт коллективного созидания и героической борьбы многих поколений белорусов, живших в единой семье народов СССР;

в-пятых, достигнутые за тринадцать лет суверенного развития Беларуси результаты пробуждения и формирования национального самосознания» [17].

Многие положения данной платформы уже получили реальное воплощение в практике государственного строительства нашей страны. Так, целью государственной политики в целом было провозглашено построение сильной и процветающей Беларуси, а целью государственной идеологии – формирование человека, который осознает и является его прямым создателем. Однако реализация такой цели напрямую зависит от осознания гражданами общих ценностей и от степени выраженности в государственной идеологии интересов абсолютного большинства населения страны. До сих пор роль такого консолидирующего фактора в национальных государствах играла национальная идея. Именно она способна сплачивать различия по взглядам и убеждениям людей, объединять их с прошлыми и будущими поколениями и быть понятной каждому члену общества. Но, к сожалению, белорусское общество ещё находится в поиске своей национальной идентичности и, следовательно, ещё моделирует свою национальную идею. Проблематичность данного процесса усугубляется и тем, что такая идея не создается искусственно, а представляет собой внутреннее ощущение индивидами себя белорусским народом, иными словами то, что называется национальным самосознанием. Оно в свою очередь складывается в течение длительного времени в процессе естественной эволюции. Поэтому, как уже подчеркивалось ранее, проблемами теоретического моделирования основ идеологии развивающегося белорусского государства является кризис национальной идентичности, незрелость национального самосознания, недостаточная продолжительность периода существования суверенной государственности, чтобы можно было оценить

научную обоснованность и эффективность внедрения модели государственной идеологии на практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основы идеологии современного государства // Е.М. Бабосов. – 2-е изд., доп. – Мн.: Амалфея 2004 г. – С. 402 – 406.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. – М., 1992.
3. Общая социология: Учебное пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М: ИНФРА, 2000. – С. 358-386
4. Слуга А. Нацыянальная ідэя – аснова грамадзянскага яднання. // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999 - № 2. - С. 3-6
5. Горшков М.К. Государственная идеология и национальная идея. // Власть. – 1996 - № 12. - С. 30
6. Ермаліцкі М. Юркевіч А. Слуга А. Ідэалогія беларускай дзяржаўнасці (асноўныя яе аспекты) // Рэспубліка. – 1669 - 8 чэрвеня; Модель устойчивого развития Республики Беларусь: идеология, система управления, механизм реализации в союзе с Россией // М.А. Ермолицкий, Е.П. Сапёлкин, О.Г. Слуга и др. - Мн., 1999
7. Слуга А. Сучасны гістарычны працэс і ідэалогія беларускай дзяржаўнасці для XXI стагоддзя // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. - № 4. - С. 9
8. Там же. - С. 10
9. Республики Беларусь: системные принципы устойчивого развития / Демчук М.И.,
10. Юркевич А.Г. – Мн.: РИВШ БГТУ, 2003. - С. 213-214
11. Мясникович М.В. Идеология белорусской государственности: проблемы теории и практики. Материалы научной конференции 12 ноября 1998 г. - Мн.: ИСПТ, 1998. -С. 3
12. Там же. - С. 4
13. Шевцов Ю. В сумасшедшем мире одиночество – сила? // Belarus Monitor.
14. Беларусь в региональном контексте. - Мн, 2000. - С 26-35
15. Подробнее см.: Идеология белорусской государственности: проблемы теории и практики. Материалы научной конференции 12 ноября 1998 г. - Мн.: ИСПИ, 1998. -С. 1–34.
16. Послание Президента национальному собранию // Советская Белоруссия. - 8 апреля 1999. - С. 1-3
17. Лукашенко А.Г. Исторический выбор Беларуси. - Мн., 2003. - С. 11.
18. Основы идеологии белорусского государства: Методология и методика преподавания. Сборник материалов научно-практической конференции / Под ред. Я.С. Яскевич. – Мн.: РИВШ БГУ, 2003. - С. 34.
19. В.М. Михеев. Идеология: размышления и выводы.- Мн., 2004. - С. 208.

УДК 321(476)

Бодак М.С.

ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Характеристику политической идеологии невозможно начать без оценки самого понятия “идеология”. Однако нельзя не признать, что данный термин принадлежит к наиболее неясным понятиям политологии. Изменчивость термина “идеология” лежит в основе концептуального многообразия в его толковании, которое сохраняется по сей день. В научном мире не утихают дебаты о значении и роли идеологии в жизни общества. Одни возводят идеологию до статуса науки, в то время как другие опускают ее до патологической формы сознания. Все это приводит к крайностям в ее объяснении. Не случайно свою работу о политической идеологии американский политолог Роберт Патнэм начинает со скорбного замечания: “Для любого подающего надежды сторонника социальной науки погружение в холодные и темные воды литературы по “идеологии” является шокирующим и разочаровывающим испыта-

нием”[1]. Аналогичный пессимизм уже в 90-е гг. воспроизвел Дэвид Маклеллан: “За редким исключением слово «идеология» пробиралось запутанными дорогами уничтожительных коннотаций”[2].

Долгое время существовала традиция рассматривать идеологию как нечто ненаучное, иллюзорное и в целом патологическое образование в духовной жизни общества. С отмеченных позиций многие сводили все идеологическое к выражению состояния деформации, деградации и омертвелости сознания. Это было обусловлено главным образом тем, что идеология противопоставлялась “истине”, науке и обоснованному знанию вообще. Согласно наблюдению Толкотта Парсонса, главный критерий идеологии проявляется в виде отклонения от научной действительности: “Проблема идеологии возникает там, где существует противоречие между тем,

что думают, и тем, что может быть установлено как научно правильное” [3].

В соответствии с этой позицией идеология характеризовалась как “мутная струя” ложного сознания в потоке общественной мысли, которая подлежит изгнанию из нашего сознания в силу обладания качествами психологической деформированности из-за наличия в ней таких эмоций, как ненависть, тревога или страх, писал Вернер Старк [4]. Традиция связывать идеологию с оторванной от реальной действительности игрой мысли, с утопическим прожектерством, употреблять в уничижительном значении была положена ещё Наполеоном, который резко высмеивал первых идеологов, называя их непрактичными мечтателями и опасными авантюристами. Развивая данную традицию, основоположники марксизма, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, использовали понятия “идеология” преимущественно для обозначения ложного сознания, извращенного отражения объективной действительности.

В XX веке боролись с доктринерством, отстаивая прагматизм в политике сторонники концепции «конца идеологии», которая появилась на Западе в конце 50-х – начале 60-х гг. Смысл их теории заключается в понимании идеологии как формы ложного осмысления действительности, противопоставляемой проверенным точным знаниям, данным науки, которыми якобы стремится руководствоваться человек конца XX века в своем социальном существовании. Представители данного подхода Д. Белл, Р. Арон, С. Липсет, Э. Шилс провозгласили “конец идеологии”, но он означал конец старых универсалистских идеологий либерализма, социализма и классического фашизма 20-х – 40-х гг., развитых в европейской культуре. Согласно этим авторам, идеологии изжили себя в развитых индустриальных обществах Запада, где наступила эра политической стабильности. Острые идеологические конфликты являются признаком незрелости общества и оказывают пагубное воздействие на политику. По мнению авторов, наступил “конец идеологий”, которые являются проявлениями идеологического фанатизма, расцвет которых был связан с экономическим кризисом и безработицей. Они уверяли, что регулируемая капиталистическая экономика в состоянии обеспечить постоянный рост и полную занятость, поэтому политический экстремизм вытесняется умеренными и толерантными умонастроениями; идеологическая конфронтация уступает место прагматичным компромиссам; борьба вокруг противостоящих друг другу идеалов сменяется дебатами в рамках согласованных принципов и ценностей [5].

Однако концепция “конца идеологий” и наступления эры “деидеологизации” столкнулась с противоречивыми ей процессами действительности уже в конце 60-х годов. Идеологический консенсус был нарушен с началом экономического кризиса в большинстве стран Запада.

Постепенно во второй половине 70-х годов тенденции к “деидеологизации” сменились “реидеологизацией”, т.е. восстановлением идеологии, только уже в новых формах и с новым содержанием. Сам же Д. Белл в середине 70-х гг. приходит к убеждению о неустраимости идеологических факторов из общественной жизни, высказывая мысль, что “истощение старой идеологии вызывает потребность в новой” [6], поэтому необходимо вести речь не об исчезновении идеологии, а о смене ее формы. Такой формой в то время выступил неоконсерватизм, призвавший к созданию жизнеспособных и популярных концепций капитализма, которые должны давать адекватное интеллектуальное обоснование хорошо зарекомендовавшему, с их точки зрения, на практике общественному строю.

Однако попытка сплотить всех сторонников капитализма в первой половине 80-х гг. лишь приглушила тенденции “деидеологизации”, которые усилились в конце 80-х – начале 90-х годов. Новым вариантом «деидеологизации» оказалась точка

зрения, утверждавшая глобальную победу западных либеральных ценностей, отстаиваемая Фрэнсисом Фукуямой. Он подчеркивал: “Под концом истории я понимаю завершение идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как окончательной формы правления” [7]. Современная практика опровергла данный тезис, предоставив нам возможность наблюдать не только идеологию либерализма, но и возникновение новых идеологических течений постиндустриального общества. Актуальными остаются угрозы, связанные с фундаментализмом, национализмом, культурными противоречиями цивилизаций, описанными Самуэлем Хантингтоном [8], которые стали актуальными после праха коммунистической системы. В этой связи “закат идеологий” в современном мире невозможен.

Нередко дефицит идеологии видится как помеха успешному развитию общества. Карл Поппер, например, делает вывод, что “не слабость экономики, а слабость идеологии была причиной краха советской государственности” [9]. Отмечается консолидирующая роль идеологии как важнейшего ресурса власти в цивилизованных странах, исходя из того, что любому обществу нужна идеология как опора его устойчивого развития. На наш взгляд, оценка позитивного и негативного значения идеологии, сопоставление ее с истиной, моралью, свободой и добродетелями личности будет оставаться одним из сложнейших аспектов проблемы “идеологического”.

Само понятие “идеология” впервые появилось в конце XVIII века. Оно было введено в научное употребление французским философом Антуаном Дестютом де Траси, который в 1801-1815 гг. опубликовал 4-томный труд “Проект элементов идеологии” [10]. Он использовал термин “идеология” для обозначения науки об идеях, которая должна была изучать происхождение, законы развития, степень объективности и сферу употребления идей, тем самым создавать надежную основу для политики. Позже слово изменило свое значение. Сегодня Раймон Арон определяет идеологию как “глобальную историко-политическую систему толкования мира” [11], а Зигмунд Фрейд утверждал, что идеологии представляют собой формы персональной рационализации, продукты разума и поэту призваны защищать личность. Вильфредо Парето рассматривал общественные идеологии как интеллектуальные системы, которые являются “языками чувств” и лишь оформляют побудительные мотивы человеческого поведения. В этом смысле идеология по сути является лишь ловким словесным покровом, оболочкой, которая придает теоретическую форму человеческим эмоциям. Близкой к данной точке зрения является интерпретация идеологии, в рамках которой Эрикссон выдвинул гипотезу, что потребность в идеологии возникает на определенной стадии психологического развития личности. Он назвал её стадией поиска идентичности, для которой характерно приобщение личности к определенным социальным ролям. Поэтому особенно подвержены идеологическому воздействию молодежь и маргинальные группы, озабоченные стремлением изменить свое положение в обществе. Социологическая интерпретация роли идеологии заключается в том, что идеология предоставляет людям определенный набор убеждений и объяснений сложной социальной ситуации, предлагая определенные модели решения проблем, тем самым, облегчая им жизнь, помогая адаптироваться к трудностям жизни, что приводит в свою очередь к снятию напряженности. Идеология дает человеку надежду обретения контроля над своей судьбой. Основоположник теории идеологии Карл Маркс видел в ней, прежде всего, форму иллюзорного сознания, вызванную противоречиями общественно-бытия, в первую очередь производственных отношений. Его современник немецкий философ Карл Манхейм понимал идеологию как систему “добровольной мистификации”, в шкале представлений которой содержатся приемы “от сознательной лжи до полуинстинктивного сокрытия истины, от

обмана до самообмана” [12]. Однако большее внимание он уделял ее функциональным характеристикам, особенно способности к сплочению людей, аккумуляции их политической энергии. В противоположность таким идеям некоторые ученые (Д. Истон, А. Конноли и др.) делали акцент не на эмоциональном, а на ценностном содержании идеологии. Американский теоретик Л. Саждент полагал, что идеология, вырабатывая определенные цели и ценности политического развития, в то же время огрубляет решение практических проблем. Его соотечественник Ф. Уоткинс утверждал, что идеология всегда противостоит статус-кво и является политическим фактором, сохраняющим значительный преобразующий потенциал. Более дифференцированное представление об идеологии предложил Г. Лассуэл, рассматривавший ее как разновидность коммуникации, направленной на поддержание политического сообщества, как такового. В этом смысле она, по его мнению, включает в себя следующие элементы, направленные на общественное сознание: политические доктрины, политическую формулу и политическую миранду.

По-разному оценивалась и оценивается роль идеологии в обществе, причем оценки располагаются в широком диапазоне: от ее характеристики как замкнутой в себя «служанки власти», не имеющей связи с реальностью и потому не обладающей серьезным весом в политике, до признания её открытой к изменениям, гибко адаптирующейся идейной системы, пронизывающей все политическое пространство. Так, если П. Рикерт вслед за Р. Моской, Р. Михельсом и другими неомаккиавелистами гиперболизирует значение политической идеологии, рассматривая даже формы эстетического и религиозного сознания как специфические формы её проявления, не опосредованные ею, то У. Матц считает, что идеология выдвигается на политическую авансцену только во время серьезных политических кризисов [13]. Ю. Хабермас даже полагает, что в силу невозможности вычленения в настоящее время специфических “классовых миров”, место идеологии занимает “массовая культура”.

И все же, синтезируя основные подходы, можно сказать, что политическая идеология представляет собой, прежде всего определенную доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или её использование), добываемой в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным идеям. Иными словами, политическая идеология – это разновидность корпоративного сознания, отражающая групповую точку зрения на ход политического и социального развития общества и потому отличающаяся определенной предвзятостью оценок и склонностью к духовному экспансионизму. Именно данная суть идеологии акцентируется в следующем её определении К. Ясперса: “Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы тем или иным способом уклониться от требуемых решений к своей выгоде в данной ситуации” [14].

Как средство идейного обеспечения групповых интересов политическая идеология является по преимуществу инструментом элитарных слоев, которые с её помощью консолидируют групповые объединения граждан, обеспечивают связь с низами, выстраивают определенную последовательность действий в политическом пространстве. Именно от тактики и компетентности элит зависит степень идейного оформления тех или иных групповых интересов.

Выступая средством идейного воплощения интересов группы, идеология схематизирует и потому в определенной степени огрубляет действительность. Созданный таким способом образ групповых целей и ценностей может быть использо-

ван для примитивизации политического сознания граждан, манипулирования и даже обмана населения. Но в целом позитивная направленность такой схематизации состоит в том, чтобы зафиксировать определенные критерии оценки политической реальности, создать нормативную модель восприятия мира политики, сделать сложную ситуацию, политической динамики простой и понятной для обычного человека. Поэтому с помощью идеологий политические цели группы символизировались и получают индивидуальные значения, а политические действия приобретают конкретную направленность. В результате снижается стихийность восприятия политики и хаотичность политического взаимодействия в группе. Не случайно К. Дейч называл идеологию “картой действительности”.

Таким образом, через идеологию канализируются массовые эмоции, чувства протеста или солидарности, негодования или поддержки. Сопровождая процесс агрегирования и артикуляции, идеология концептуализирует представления людей о политической ситуации, встраивает эти оценки в их общую картину мира, стремится сделать понятными политические изменения. Посредством идеологии люди обогащают свои индивидуальные воззрения общегрупповыми представлениями о “родине”, “чувстве долга”, других коллективных верованиях.

Без идеологии в общественном и индивидуальном сознании нарастают тенденции к упрощению и примитивизации политической действительности. Вместо игры интересов, сложной взаимосвязи сил и позиций, люди видят карнавал, театр абсурда, в котором политики собирают друг на друга компроматы, говорят малопонятные слова, совершают бессмысленные поступки. В таком случае эмоции наполняют коллективные позиции, не дают людям возможности рационализировать ситуацию, понять свои предпочтения, возрастает импульсивность их поведения. Вне идеологии расширяется простор для прямой апелляции к психике человека, разрушения устойчивых позиций и нарастания отчуждения от политики.

Реальная роль политической идеологии в сфере власти зависит от характера овладения ею общественным сознанием. Исходя из этого, можно считать, что основными функциями политической идеологии являются: идейное овладение общественным сознанием; внедрение в него собственных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; создание позитивного образа в глазах общественного мнения предлагаемых партий, движением или другими силами целей и задач политического развития; стимуляция целенаправленных действий граждан во имя поддержки и исполнения поставленных задач; активное оппонирование конкурирующим доктринам и учениям.

Наряду с этими задачами А. Герцц отмечает также необходимость выполнения идеологией задач по “выпуску пара из котла” (т.е. ослаблению политической напряженности за счет перевода противоборства сторон в область идейной полемики), конструированию и поддержанию групповых ценностей, а также солидаризации, т.е. укреплению внутренней сплоченности группы.

С точки зрения политических функций, идеология стремится сплотить, интегрировать общество с целью реализации интересов какой-нибудь определенной социальной (национальной, религиозной и т.п.) группы либо для достижения целей, не опирающихся на конкретные слои населения (например, идеология анархизма, фашизма). При этом, помимо рациональных, нередко теоретически обоснованных положений, любая идеология предполагает некую дистанцированность от действительности, проповедуя те цели и идеалы, которые людям предлагается воспринять на веру. В меньшей степени таким налетом верований обладает официальная идеология, которая наряду с апологетикой направляет реальный курс государственной политики и служит основанием для принятия важнейших решений. Особой же предрасположенностью к утопизму обладают идеологии оппозиционных сил, как правило, ожидающие от власти значительно больше-

го, чем она может дать, и стремящиеся с помощью красивого идеала привлечь к себе массы сторонников. Политические идеологии не только наделяют действия смыслом, придавая им социальную значимость, но выполняют и компенсаторную функцию, вселяя надежду на благополучное изменение социального бытия, как бы компенсируя социальную неудовлетворённость, дискомфорт в наличном бытии.

Политические идеологии обладают большим потенциалом, с помощью которого можно манипулировать общественным сознанием. Они облегчают коммуникационное воздействие, ибо определённые социальные слои, по образному выражению американского политолога Р. Макридиса, смотрят на мир как бы в одинаковые бинокли.

Коль скоро политическая идеология представляет собой духовное образование, специально предназначенное для целевой и идейной ориентации политического поведения граждан, то необходимо различать следующие уровни её функционирования:

- теоретико-концептуальный, на котором формулируются основные положения, раскрывающие ценности и идеалы определенного класса (нации, государства) или приверженцев какой-то определенной цели политического развития. По сути дела это уровень политической философии группы, выражающей основные ценностно-смысловые ориентиры ее развития, те идеалы и принципы, во имя которых совершаются государственные перевороты, разрушаются политические системы и возрождаются общества. Наличие таких представлений свидетельствует об уровне интеллектуальной рефлексии данной группы, о её способности предложить собственные принципы интерпретации мира политики, создать систематизированную, логически стройную и достоверную картину действительности. Поскольку многие группы по-разному интерпретируют одни и те же принципы, то здесь основное внимание уделяется иерархизации данных представлений. Например, как подчеркивает Э. Арбластер, "и либералы и социалисты хотят свободы и равенства". Но при этом "их разделяет характер выбора между свободой и равенством в конфликтной ситуации, а также их соотношение с другими ценностями: справедливостью, безопасностью, собственностью"[15];
- программно-политический, на котором социально-философские принципы и идеалы переводятся в программы, конкретные лозунги и требования политической элиты, формируя, таким образом, нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования политического поведения граждан. И если политические принципы формируют приверженцев и предполагают дискуссии сторонников разных ценностей, то программы разрабатываются для ведения непосредственной политической борьбы, предполагающей подавление (нейтрализацию) оппонентов. В таком случае осуществляется инструментальное оформление тех основополагающих идей, которые вырабатываются группой. По сути дела – это главный идейный источник политических преобразований, конструирования действительности с помощью власти. На данном уровне функционирования политической идеологии идеалы проверяются на свою жизнеспособность, поэтому к идеологии предъявляются особые требования: осознавать важное значение тех или иных проблем общественной жизни, артикулировать интересы граждан, воплощать их в политическую волю. Поскольку этот уровень содержит в себе оценки текущих политических событий, действий правительства, то здесь могут как сближаться представители разных политических идеалов, так и отдаляться сторонники одной и той же партии. При этом между концептуальным и программным уровнями могут существовать и определенные противоречия, в результате

чего некоторые принципы, как писал Б. Чичерин, нельзя узнать в оформлении их "самых рьяных обожателей";

- актуализированный, который характеризует степень освоения гражданами целей и принципов данной идеологии, меру их воплощения в своих практических делах и поступках. Данный уровень может отличаться довольно широким спектром вариантов усвоения людьми своих политических позиций, не затрагивающих гражданские убеждения, до восприятия людьми своих политических привязанностей, как глубинных мировоззренческих ориентиров. Идеологии, обладающие способностью определять принципы социального мышления людей, упорядочивать в их сознании картины мира, являются "тотальными" (К. Манхейм). Те же системы политических требований и воззрений, в которых ставятся задачи частичного изменения форм правления, функций государства, систем выборов и другие, не способны повлиять на мировоззренческие представления граждан и выступают как "частные" (Н. Пуланзас) [16].

Этот момент приобретает особую значимость, если учесть, что зачастую идеологические и политико-философские аспекты мира политического по сути дела, совершенно неправомерно отождествляются. Как считал, например, Дж. Ла Паломбара, "идеология включает философию истории, видение нынешнего положения человека в ней, некоторые оценки возможных направлений будущего развития и комплекс предписаний, предусматривающих ускорение, замедление или модификацию того или иного направления развития" [17].

Падение влияния идеологии на общественное мнение или распространение технократических представлений, отрицающих возможность воздействия социальных ценностей на политические связи и отношения, ведет к деидеологизации политики. В то же время насильственное внедрение идеологии, или так называемая индоктринация, усиливает политическую напряженность в обществе. Более того, она может привести к изменениям психики человека, поскольку, как пишет К. Лоренц, когда "доктрина становится всеохватывающей религией, все противоречащие ей факты игнорируются, отрицаются или вытесняются в подсознание. И человек, вытесняющий эти факты, оказывает максимальное сопротивление всем попыткам вновь довести вытесненные факты до сознания" [18].

Таким образом, пока существует глубоко социальностратифицированное общество, сохраняются и идеологии как систематизированный, теоретически оформленный способ социально-группового мышления. И в политике идеологии останутся элементом властеотношений, легитимируя власть определенных социальных сил и гарантируя социальное и государственное единство на основе идеологической идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Putnam R. Studying Elite Political Culture: The Case of "Ideology" // American Political Science Review. 1971. № 3. P. 651.
2. McLellan D. Ideology. Buckingham. Open University Press, 1995. P. 111.
3. Parsons T. An Approach to the Sociology of Knowledge. Transactions of the Fourth World Congress of Sociology. Milan and Stressa, 1959. P. 2549.
4. Stark W. The Sociology of Knowledge. London: Routledge & Paul, 1958. P. 356.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. С. 492.
6. Белл Д. Возрождение истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги „Конец идеологии” // Вопросы философии. 2002. С. 25.
7. Фукуяма Ф. Коней истории? // Вопросы философии. 1990. №3. С. 134-135.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. С. 34, 286
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. – М., 1992, Т. 1, С. 210.
10. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. – Мн., 1996, Т. 3. С. 473.
11. Цит. по: Ш. Дэбаш, Ж-М. Пантче. Уводзіны у палітыку. – Мн., 1996. С. 77.
12. Мангейм К. Идеология и утопия. – М. 1996. С. 56.
13. Матц У. Идеологии как детерминанты политики в эпоху модерна. // Полис. 1992. № 1-2. С. 134.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994. С. 146.
15. Цит. по: Соловьёв А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. – М., 2000. С. 338.
16. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1997. С. 823.
17. Цит. по: Гаджиев К. С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998, № 12. С. 3.
18. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Знание – сила. 1991, № 1. С. 27.

УДК 336.747(09)(476)

Стрелец М.В., Кивачук В.С.

УДАЧНЫЙ ПРИМЕР ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (Рецензия на монографию Баюры А.Н. «Бумажно-денежное обращение на территории Беларуси в XVIII – XX вв.»)

Данная работа является первой в Белорусской науке монографией, специально посвященной бонистике. Вклад А.Н. Баюры в науку выражается, прежде всего, в том, что он подготовил комплексное исследование, пионерское по содержанию и по форме. Главное достоинство содержательной стороны этой работы – системная реконструкция бумажно-денежного обращения на территории Беларуси в 1795-2000 гг.

Монография структурирована. Цель и задачи исследования соответствуют его логике, итоговым выводам. Для решения исследовательских задач мастерски использованы как общенаучные, так и специально-исторические методы.

Реализуя историко-генетический метод, автор раскрывает предпосылки эмиссии бумажных денег на белорусских землях, прослеживает становление этого процесса, показывает специфику ассигнаций в период биметаллизма, депозитных и кредитных билетов эпохи серебряного монометаллизма, анализирует бумажно-денежное обращение периода золотого монометаллизма и после его отмены.

Применение историко-сравнительного метода вытекает из сравнения депозитных и кредитных билетов, серебряного и золотого монометаллизма, других важнейших периодов бумажно-денежного обращения.

Наиболее удачным представляется использование историко-системного метода. На странице 5 читаем: «Бумажные денежные знаки представляют собой политико-экономический документ, являющийся источником изучения экономической и политической истории, материальной и духовной культуры». На протяжении всего исследования А.Н. Баюра исходит из данной дефиниции. Например, боны рассматриваются в контексте денежных реформ Е.Ф. Канкрин, С.Ю. Витте, Г.Я. Сокольников, влияние этих реформ на социально-экономические процессы.

Реализация историко-типологического метода четко прослеживается в авторской классификации бон, которая базируется на ясной трактовке понятия бона. Например, читатели могут узнать, что термин «бона» в широком смысле означает знаки, представленные для оплаты различных товаров и услуг, а в узком смысле – означает вышедшие из употребления бумажные деньги и их заменители.

Монография А.Н. Баюры интересна во многих отношениях.

Во-первых, к ней могут обратиться историки искусства. Монография богата иллюстрациями с многообразными изображениями бон. Как указывает автор монографии, «в художественном отношении боны представляют собой целое собрание

образцов графического искусства». Именно такие образцы имеются в иллюстрациях. Невозможно оторваться от страниц 96-123 монографии, на которых помещены репродукции государственных денежных знаков. Открывает блок репродукций российская государственная ассигнация 1779 года. Последняя по времени выпуска бона – расчетный билет Национального банка Республики Беларусь 1996 года репродуцирована на стране 121. Ничего, кроме улыбки не вызывает репродукция билета банка России от имени несуществующего государства (СССР) 1992 года, помещенная на странице 123.

Во-вторых, пока с технического исполнения денежных знаков и других бон, качество бумаги, изготовления и исполнения водяных знаков и других степеней защиты характеризуют уровень развития бумажной, химической и полиграфической промышленности, в целом развитие науки и техники каждого соответствующего периода.

В-третьих, бонистика находится на стыке исторической и экономической наук. Поэтому на базе монографии можно организовать спецкурсы на исторических и экономических факультетах вузов, а также рекомендовать студентам использовать ее при написании рефератов, курсовых и дипломных работ.

В четвертых, ряд оценок, версий, гипотез, выводов автора могут заинтересовать широкую научную общественность.

В пятых, основная часть краеведческих музеев Беларуси имеет бонистические разделы в экспозициях. Монография брестского ученого представляется для них обязательным подспорьем.

Наиболее убедительный аргумент А.Н. Баюры – привлечение им большого числа источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Настоящий труд А.Н. Баюры следует рассматривать и как продолжение традиций историко-экономических исследований в БГТУ, заложенных доктором экономических наук, профессором М.Ф. Болбасом, который исследовал развитие промышленности Беларуси в дореволюционный период.

Конечно, нет, и не может быть безупречных монографий. Работа А.Н. Баюры не исключение. Главное замечание к монографии – отсутствие параграфа, специально посвященного историографии проблемы.

Выход такой солидной работы дает моральное основание Александру Николаевичу для создания собственной историко-экономической школы.

Кивачук Василий Сазонович, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита Брестского государственного технического университета. Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.